

В ПОИСКАХ АТМОСФЕР: НАПРАВЛЕНИЯ, МЕТОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ (ИНТЕРВЬЮ С ТОНИНО ГРИФФЕРО)

С.В. Соколовский

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com |
д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский
пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

атмосферы, аффекты, *Stimmung*, эстетика, ощущаемое тело, аффордансы, Герман Шмиц, Гернот Бёме

Аннотация

Вниманию читателей предлагается комментированный перевод с английского и немецкого языков интервью, взятого в феврале 2024 г. у итальянского философа-феноменолога, профессора эстетики Римского университета “Тор Вергата”, безусловного нынешнего лидера в области изучения (аффективных) атмосфер Тонино Гриффери. В интервью затрагиваются вопросы разнообразия традиций (включая национальные) атмосферных исследований, соотношения понятий атмосферы, настроения (*Stimmung*, *mood*) и обстановки (*ambiance*). Обсуждаются методы исследования и способы концептуализации атмосферных феноменов двух других авторитетных представителей данной области, немецких философов — феноменолога Германа Шмица (16.05.1928–05.05.2021) и специалиста по эстетике Гернота Бёме (03.01.1937–20.01.2022), а также перспективы использования рассматриваемых методов и подходов в социальных науках, включая антропологию.

Информация о финансовой поддержке

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения о предоставлении гранта: 075–15–2022–328]

Тонино Гриффери (Асти, 1958 г.) — итальянский философ-феноменолог, профессор эстетики Римского университета “Тор Вергата”, лидер в области изучения (аффективных) атмосфер. Философское образование получил в Туринском университете, который окончил в 1982 г.; его руководителем был Джанни Ваттимо. С 1999 г. (с 2002 г. — в должности полного профессо-

Статья поступила 07.06.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 26.07.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соколовский С.В. В поисках атмосфер: направления, методы, перспективы (интервью с Тонино Гриффери) // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 22–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040023> EDN: AZEXGP

Sokolovskiy, S.V. 2024. V poiskakh atmosfer: napravleniia, metody, perspektivy (interv'iu s Tonino Griffieri) [In Search of Atmospheres: Directions, Methods, Perspectives (an Interview with Tonino Griffieri)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 22–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040023> EDN: AZEXGP

ра) преподает и ведет исследовательскую работу в университете “Тор Вергата”. Является редактором журнала *Lebenswelt. Aesthetics and Philosophy of Experience* и книжной серии “Atmospheric Spaces”, координатором одноименного блога, а также автором и редактором многочисленных работ в области герменевтики, немецкого идеализма (Шеллинг) и теософии (Этингер), эстетики восприятия, феноменологии тела и атмосферы. Широкую известность получили его книги “Atmospherology: The Aesthetics of Emotional Spaces” (Рим, 2010 г.; англ. пер. 2014 г.) и “Quasi-Things: The Reality of Feeling” (Милан, 2013 г.; англ. пер. 2017 г.). Работы “Il pensiero dei sensi. Atmosfere ed estetica patica” (Милан, 2016 г.) и “Places, Affordances, Atmospheres: A Pathic Aesthetics” (Лондон, 2019 г.) предлагают эстетико-феноменологическую интерпретацию понятия атмосферы, фокусируясь не столько на произведениях искусства, сколько на чувствах, которые присутствуют в нашей повседневной жизни и которые захватывают нас. Его исследования распространяются на атмосферные явления как коллективные чувства, в том числе в сферах политики, образования, архитектуры (см. его книгу “The Atmospheric “We”. Moods and Collective Feelings” [Милан, 2021 г.]), и на феноменологию оощуаемого тела (*Leib*) (книга “Being a Lived Body: From a Neo-Phenomenological Point of View” [Лондон, 2023 г.]).

В феврале 2024 г. профессор Грифферо, находившийся с визитом в Институте атмосферных исследований Университета Кобе (Япония), где он читал лекции и знакомился с исследованиями своих японских коллег, узнав о готовящемся тематическом выпуске ЭО, любезно согласился на интервью, полный текст которого приводится ниже.

С.В. Соколовский (СВС): В исследованиях “экологически распределенных” чувств используется множество терминов, в числе которых *атмосфера*, *аура*, нем. *Stimmung* (≈ настрой, настроенность), англ. *mood* (настроение) и фр. *ambiance* (обстановка, окружение, среда). Представляется, что некоторые из них связаны с определенной национальной исследовательской традицией (напр., *Stimmung* — с немецкой, а *ambiance* — по преимуществу с французской). Видите ли Вы существенные различия между немецкой, французской и итальянской традициями изучения (аффективных) атмосфер? Я не упомянул здесь частный случай Питера Слотердайка, поскольку не уверен, можно ли рассматривать его “сферологию”¹ (в каком-то отношении вдохновленную работами Германа Шмица) как часть “атмосферного поворота”; было бы интересно узнать Ваше мнение.

Т. Грифферо (ТГ): “Что-то витает в воздухе”, “я чувствую себя как вытщенная из воды рыба”, “я чувствую себя как дома” и т.д. — эти и многие другие повседневные фразы очень точно выражают качественное и смутное “нечто большее” конкретной ситуации, т.е. ее атмосферу, даже в отсутствии возможности дать ей более точное определение (не говоря уже о рациональном объяснении). Хотя метафорическое употребление этого термина (*атмосфера*) сложилось в XVIII в. и вместе с некоторыми предшественниками (*milieu*, *aura*, *Stimmung*, *genius loci*), призванными охватить данную совокупность явлений, приобрело значимость уже столетие назад, — особенно в период между двумя мировыми войнами — в гуманитарных науках оно стало переживать бум лишь недавно. Так и не оторвавшись полностью от своего климатического значения, погружения в мир погоды, слово “атмосфера” сначала вошло в разговорную речь и означало то, что человек чувствует “в воздухе” (в определенном пространстве или ситуации). Если

говорить кратко, его “карьеру” можно объяснить как эстетизацией в развитых капиталистических экономиках, так и междисциплинарным “аффективным поворотом” в дисциплинах, все больше сосредоточенных на смутных, но выразительных *qualia* реальности (ее патическом “как”), чем на ее количественной материальности или определенной семантической ценности (ее когнитивном [gnostic²] “что”). Тем не менее всего этого может оказаться недостаточно для объяснения удивительной распространенности концепта за рамками одной языковой области.

Понятие “атмосфера”, таким образом, кажется сегодня вполне уместным во многих научных дисциплинах, особенно в тех из них, что имеют дело с не поддающимися строгому измерению человеческими поведением и привычками. И что особенно важно, оно оказывается тем более необходимым, чем больше внимания уделяется: а) телесному (*leiblich*)³ и аффективному опыту, нежели значениям; б) эмоциональной организации среды, нежели нарративному представлению чего-либо; в) оценке нюансов феноменального и произвольного опыта, нежели явлениям, поддающимся количественному измерению.

Кроме того, это понятие могло бы стать инновационным и эвристическим подходом во всех исследовательских областях, которые (не ориентируясь исключительно на вещи и строго функциональные параметры) уделяют больше внимания неясным “сущностям”, которые, в свою очередь, не являясь ни полноценными вещами, ни просто *qualia*⁴, но будучи *квази-вещами* (по Герману Шмицу⁵) или, как я бы добавил, набором аффордансов⁶, обретают над нами более прямую и непосредственную власть, чем собственно вещи. Но важнее всего, что понятие “атмосфера” нацелено на большее, а именно — на философское утверждение, что не существует такой жизненной ситуации, в которой человек не был бы уже каким-то образом сентиментально настроен, и поэтому, вероятно, ни одна ситуация не лишена определенного атмосферного заряда. Более того, атмосферные чувства действительно *существуют*, а не являются простыми *проекциями* внутренних переживаний, претендующих, таким образом, лишь на придание всему “экстериорному” цвета и настроения нашего (якобы) исключительно частного душевного состояния. Для меня одного этого пункта (в философском, онтологическом или даже метафизическом отношении) достаточно, чтобы говорить о действительной новизне данного подхода.

По этой и другим причинам — теперь я перехожу непосредственно к Вашему вопросу — я считаю, что атмосферные исследования предлагают нечто большее, в философском плане, конечно, чем:

а) исследования настроений (*Stimmung*), которые часто ограничиваются литературой⁷ и по преимуществу субъективными нюансами чувств, переживаемых под влиянием окружения (*environmentally*) (что похоже на английское *mood*), даже при том, что уже столетие назад немецкая культура могла говорить, например, о *Stimmung* города или о находящихся “не-внутри-не-снаружи” *Grundstimmungen*⁸ (Мартин Хайдеггера), в точности так же, как сегодня можно было бы говорить об “атмосфере”;

б) я также думаю, что “атмосферу” нельзя сводить к [смыслу понятия] *ambiance*; неудивительно, что социологически это понятие больше относится к экологическому контексту (и по преимуществу городскому) и подразумевает постоянно реляционный характер аффективности, который тем не менее противостоит неофеноменологической гипотезе, утверждающей, что чувства яв-

ляются внешними по отношению к внутреннему миру человека силами и лишь позднее интроецируются (таким образом по-разному “фильтруются”) перцепивентом;

в) итальянская традиция; хотя “атмосфера” — широко используемый в настоящее время термин, ему никогда не уделялось достаточного теоретического внимания, т.е. (не выяснялось) что означает и подразумевает этот расплывчатый термин (немецкое *Stimmung* часто переводили как “атмосферу”).

Что касается русской культуры, то я знаю о ней слишком мало. Хотя ассоциации с *простором* или, например, с понятием *пассионарности* Льва Николаевича Гумилева, да и вообще с такой наполненной страстями культурой, как русская, представляются мне весьма многообещающими.

Тем не менее то, что я назвал “атмосферным поворотом”, очевидно, является частью более широкого “аффективного поворота” в гуманитарных науках. Он рождается: а) из пепла “лингвистического поворота” (и его герменевтических и семиотических разветвлений и гипербола); по словам Ханса Ульриха Гумбрехта, актуальность “эффектов присутствия” (в том числе атмосферы и настроения) сегодня окончательно знаменует кризис “конструктивизма”, равно как и “лингвистического поворота” (*Gumbrecht* 2004); б) из неудачи столь же обманчивого когнитивистского примата аффективной жизни, как и в) из всеобъясняющей модели обработки данных. Однако он также является следствием *кризиса*: а) утопических философий, на смену которым, среди прочего, на фоне “пространственного поворота” пришли философии, более ориентированные на пространственное и временное *присутствие*; б) умеренно-субъективных искусств с их семантическим и репрезентативным содержанием и, наконец; в) рационального социального образа жизни, который теперь заменяется такими формами благополучия и формами сообщества, которые придают новый акцент дорефлексивно-аффективному опыту в противовес доминирующей социальной изоляции.

Неизбежен вопрос, где же были атмосферы до того, как их теоретически “открыли”: в философии — Герман Шмиц (*Schmitz* 1969), в психиатрии — Губерт Телленбах (*Tellenbach* 1968), а в эстетике — Гернот Бёме (*Böhme* 2013 [1995])? Сегодняшний атмосферный бум представляется, по крайней мере отчасти, лишь попыткой выразить уже существовавшую в иных терминах вездесущность базовых чувств, которые, открывая мир и предварительно структурируя любой опыт (аффективный и когнитивный), влияют на ситуацию каждого человека, а также на тип и степень его благополучия. Есть два основных ответа на этот вопрос: 1) опыт (переживания) атмосфер существовал всегда, но только в какой-то момент ученые осветили его, тем самым прояснив семантически запутанную сферу и создав новое поле для исследований; 2) до сих пор атмосферность оставалась скрытой и в действительности реализовалась только благодаря сегодняшней экономико-политической ситуации (поздний капитализм, экономика, основанная на образах и информации, аффективные режимы).

Принимая этот второй вариант всерьез и отвечая на Ваши сомнения относительно сферологии, я думаю, что нефеноменологическая сферология Петера Слотердайка может предложить также и нечто интересное для атмосферологии. Слотердаик подчеркивает сегодняшнюю потребность в (онто-)атмосферной экспликации актуальных и мультифокальных форм иммунитета от миметического заражения. В XIX в. метафизические всеохватывающие моносферы с их

единственной воображаемой иммунологической природой (пузыри и шары) рухнули и были заменены более хаотичными пенами⁹. Таким образом, Слотердаик очерчивает (онто-)климатологию, которая обретает способность осознанно рассматривать среду и бытие-в-мире только после экологического кризиса и повторного открытия эфемерных и уже не монотематических сообществ опыта и спектакля (*Erlebnis- and scene-societies*) (в целом подталкиваемых теперь к левитирующей атмосфере [*a levitation atmosphere*]¹⁰). Он мыслит в антропогенетическом контексте, который, к сожалению, все еще проективен (человек “создает” и свое место, и атмосферу, развиваясь вне защитной материнской внутренней среды!) и поэтому в некотором смысле откровенно несовместим с неофеноменологическим аффективным экстернализмом. Но его тезис тем не менее очень интересен: современность обращает теоретическое внимание на атмосферу только тогда, когда делает явным неявное, т.е. когда осознает, что атмосферой (в том числе и в прямом смысле) можно манипулировать или сделать ее непригодной для жизни (ядерный терроризм, тревожные сводки погоды и экстренные новости и т.д.). Таким образом, современность заменяет (столь любимый феноменологами) жизненный мир климатической техникой (кондиционерами). Этот сдвиг придется принять без анахроничных сожалений о наивном перцептивном восприятии и о якобы естественном синтезе опыта, но, напротив, смело вступая в “экспериментальную эпоху”, основанную на “климат-контроле” и на объединении людей и нечеловеков (*non-humans*).

Одно из менее известных, но для меня интригующих квазисоциологических утверждений Слотердайка состоит в том, что сегодняшнее внимание к атмосфере и обжитому пространству — это часть внимания к вегетативной сфере (настроениям, навыкам и даже болезням), которое стало возможным только благодаря избытку времени бодрствования. Такой избыток действительно позволяет создать не только роскошь и эстетику повседневности, но и атмосферу, понимаемую и как прожитый опыт, и как возможный предмет для анализа. Интересно отметить, что если хайдеггеровская феноменология скуки как базового *Stimmung* “консервативно” нацелена на преодоление современной “парящей” жизни, характеризующейся по Хайдеггеру неспособностью быть действительно затронутой и вызванной чем-то вроде новой “миссии” (более трезво по Шмицу — “укоренением в ситуации”¹¹), Слотердаик скорее предлагает взглянуть на сегодняшнюю центральную роль настроений и атмосферы именно как на неизбежный результат “теплицы комфорта”, на которой зиждется общество избытка, его заразительный спрос на лишнее и привилегированный доступ к тому, “где” и “как” человек себя чувствует.

В любом случае, не рассматривая карьеру атмосфер как еще один (спорный сегодня) “великий нарратив”, — накапливающееся доказательство чего-то, о чем мы долгое время не знали — я довольствуюсь утверждением, что атмосферы стали тематически воспринимаемым опытом и темой, достойной рассмотрения, когда, согласно историко-культурной логике движения маятника, что-то изменилось в “воздухе”, в общем историческом *Affektkomplex* (пользуясь выражением Лео Шпитцера¹²). В каком-то смысле можно сказать, что именно новая социокультурная атмосфера привела к теоретическому атмосферному буму!

СВС: Герман Шмиц кратко представил свою трехступенчатую методологию (описательный, аналитический и комбинаторный этапы) исследования атмосферы и ощущаемого тела: 1) анализ повседневного дискурса и его топосов; 2)

выделение повторяющихся и стандартных тропов — материала для более нюансированной феноменологической терминологии (то, что я бы назвал обобщением первого порядка); 3) объединение полученных таким образом понятий для еще более тонкого феноменологического анализа, который мог бы правдиво уловить телесные резонансы (в перспективе от первого лица, т.е. личного опыта) как материальное свидетельство атмосферного влияния (приношу извинение за упрощенное изложение детальной процедуры Шмица). Отличается ли Ваш метод от этой методологии? Видите ли Вы в методе Шмица какие-либо несоответствия? Могли бы Вы рекомендовать какие-то дополнения, изменения или улучшения, особенно для тех социальных исследователей, которые планируют включить “атмосферное измерение” в свои программы полевых наблюдений?

ТГ: Действительно, я не придавал слишком большого значения строго феноменологической методологии, предложенной Шмицем, просто соглашаясь а) с его отказом от *эпохе*¹³, которую он считает невозможной и заменяет личностным и пространственно-временным перспективизмом, гораздо более близким к герменевтическим подходам; б) с его ограничением роли, традиционно приписываемой интенциональности (последняя применима только к направленным эмоциям и во многих случаях проистекает из путаницы между, говоря в терминах теории гештальта, точкой опоры и зоной конденсации квазиобъективного чувства); в) с важностью его неоспоримого свидетельства (в первую очередь аффективного) того, что только и может быть определено как феномен; г) наконец, с абсолютным приоритетом “субъективных фактов” по сравнению с объективно-нейтрализованными, т.е. всего того, что выражено в перспективе от первого лица.

При этом я разработал более сложную форму атмосферологии (*Griffero* 2014, 2017, 2020, 2021), которая, как я надеюсь, может быть использована в различных областях гуманитарных наук и развивает идею Шмица о том, что (почти предписывающая) власть атмосферы является не только социальной и/или культурной. Подумайте об ингрессивной и прототипической атмосфере, которую вы ощущаете, входя в пространство, пронизанное аффектом, полностью отличающимся от вашего субъективного настроения и по этой причине властвующего над ним — будь то решение к нему приспособиться или ему сопротивляться. Подобный аффект может возникать и вне социальных сценариев. Приведем простой пример: когда небо темнеет из-за мимолетного облака и становится мрачным, придавая окружающей обстановке определенную тональность, это порождает аффективную силу, которую невозможно объяснить как бессознательную проекцию чисто субъективной эмоции.

Вопреки тому, что часто утверждается в социологических подходах к коллективным эмоциям, сила и власть атмосферного чувства не могут быть сведены к необходимости или желанию соответствовать социальным эмоциональным нормам или социальным практикам, поскольку, несмотря на то что это чувство обладает безусловно мощными социальными (включающими, исключаящими и т.д.) эффектами, сегментация реальности, порождаемая атмосферным опытом, не может быть адекватно объяснена социальными конвенциями (даже уже присвоенными [*introjected*]). Физикалистскому и/или культуралистскому редукционистскому подходу приходится объяснять непосредственный опыт проживания в насыщенном чувствами пространстве как действие субъективной (максимум — интерсубъективной) проекции на физическо-объективную

конstellацию, ранее не наделенную аффективной значимостью. Такой взгляд, несомненно, клеймит как неофеноменологическую перспективу, усматривая в ней излишнюю теологизацию, тем самым переоценивая (несомненное, впрочем) влияние, оказанное на Шмица концепцией *священного* и *нуминозного*, предложенной Рудольфом Отто (*Otto* 1923)¹⁴, так и криптометафизичность простого контекстуально-культурного характера ощущаемого авторитета. Это возражение, на мой взгляд, совершенно неадекватно по отношению к *прототипическим атмосферам* (см. ниже), ведь, будучи квази-вещами, они захватывают их воспринимающего, не будучи ему по-настоящему принадлежащими.

Рассмотрение атмосферологии только как раздела теологического эмотивизма оказалось бы, кстати, чрезмерной редукцией. На самом деле нуминозное — это в лучшем случае лишь пример специфически религиозной атмосферы как таковой, несомненно, несколько более демонической, чем та, что создается эросом, *genius loci* и, вероятно, даже кантовской *Gewissen* (совестью)¹⁵, работающей почти как внутренний суд. Однако все эти атмосферы можно назвать “божественными” (по Шмицу) не потому, что они отсылают к теологической трансцендентности, а лишь потому, что они обладают серьезной и абсолютной властью над теми, кто их ощущает, и неважно, подчиняются ли им люди или сопротивляются, поскольку именно таким образом проявляется квазиобъективная реальность атмосферы.

С другой стороны, существуют и ограничения в применимости теоретических положений Шмица к более широкой сфере гуманитарных наук. Начнем с его теории о силе атмосферы:

1. Даже если атмосферы — это аффекты, пронизывающие обжитое и пре-
дмensionальное¹⁶ пространство, нельзя забывать и о роли (физического) локально-метрического пространства с его границами; примером может служить тот факт, что иногда вы перестаете ощущать гнетущую атмосферу определенной комнаты, как только покидаете ее и выходите на улицу.

2. Даже если прототипическая атмосфера обладает авторитетом, ощутимо-телесный резонанс которого выражается в изменении прежней антагонистической односторонней инкорпорации (обширный обзор с неофеноменологической точки зрения *Leib*-феноменологии и ощутимо-телесного “алфавита” Шмица представлен в: *Griffero* 2024), нельзя забывать, что и столь мощное социальное чувство, как харизма, способное иногда завораживать большие массы людей, настолько хрупко, что может быть мгновенно разрушено каким-нибудь *faux pas* (король-то голый!). В менее серьезных случаях такая инкорпорация становится поочередной, и мимесис харизматической личности ослабевает; в более же серьезных случаях она остается односторонней, но выворачивается наизнанку, и тогда массы расправляются с лидерами, которых они прежде боготворили.

3. Наконец, прототипическая атмосфера поначалу когнитивно непроницаема. Например, печаль похорон не смягчается только потому, что мы *знаем*, что каждый биологический организм смертен. Не стоит забывать, что если красота вечернего неба оказывается связанной с его загрязнением, то оно теряет (хотя бы немного) свою атмосферную красоту, только позднее. Таким образом, точное знание и (определение) локализации того, что создает атмосферу, часто оказывается триггером нон-аффективного дистанцирования; похожим образом человека не убеждает речь, риторическая структура которой слишком очевидна. Подобно деньгам, (атмосферный) аффект перестает функционировать (аффек-

тивно вовлекать, или не наблюдаться) в тот самый момент, когда человек перестает в него верить!

Возможно, однако, все гораздо сложнее, потому что иногда ситуация излучает атмосферу “вопреки” тому, что человек знает (напр., атмосфера может радовать и восхищать, даже если она случайна), а иногда обстановка излучает атмосферу “только если” человек что-то знает (место может иметь ауру, напр., только если человек знает, что там жила знаменитость и т.п.). Таким образом, соотношение когнитивного и аффективного – весьма дискуссионный вопрос, который не может быть решен в одностороннем порядке. Можно лишь утверждать, что атмосфера не зависит от того, что человек знает (напр., что ее генератор – всего лишь иллюзия), только поначалу, когда он получает первое и непроизвольное впечатление, которое вызывается ее появлением.

По этим и другим причинам я хотел бы кратко напомнить здесь о трех основных дополнениях к Шмицу в том, что я назвал “атмосферологией”. Во-первых, я сохраняю статус абсолютной неинтенциональности только за теми атмосферами, которые я определил как *прототипические* (объективные, внешние, непреднамеренные и иногда даже не имеющие точного названия), отличающиеся как таковые от *производно-реляционных* (объективных, внешних и иногда намеренно произведенных) и *ложных* (субъективных и проективных). В непатологических условиях первые, вторые и третьи различаются уровнями объективности, интенсивности и зависимости от субъекта. Во-вторых, я также набросал теорию “критически-атмосферной компетентности”, основанную на обучении: а) тому, как погружаться в атмосферу, чтобы, когда это нужно или желательно, стать со-настроенным с окружающей средой; б) тому, как отличать, насколько это возможно, токсичные атмосферы (неважно, стрессовые или успокаивающие) от полезных; а также в) стремлению чередовать различные иммерсивные атмосферы (искусственные, естественные и т.д.), чтобы извлечь пользу из их “разделения полномочий” (в данном случае атмосферных); а также г) надеюсь, тому, как способствовать развитию иммерсивных атмосфер, в которых фаза погружения не только не препятствует, но и стимулирует последующую, вновь возникающую (более критико-рефлексивную) фазу. Наконец, хотя я предполагаю, что атмосфера, конечно, не зависит от того, что человек знает изначально, когда он переживает первое и непроизвольное впечатление от “феномена”, верно также и то, что иногда это может произойти впоследствии, если возникает теоретически интересный, но экзистенциально неловкий микроконфликт между патическим и гностическим. По этой причине я также разработал обширную феноменологию возможных “атмосферных столкновений” согласно типологии, которую я постепенно обогащал и проблематизировал (последнюю версию см.: *Griffero* 2021: 29–66) и которая может стать питательной почвой для более тонкого феноменологического анализа, потенциально полезного для всех гуманитарных наук.

Резюмируя, отмечу, что атмосфера может: 1) быть настолько дистонической, что подавляет нас; 2) обнаружить нас находящимися с ней в унисоне до такой степени, что мы не осознаем и не чувствуем ее; 3) быть осознанной, не будучи перцептивно ощущаемой; 4) вызывать настроение сопротивления, толкающее нас к изменению или противостоянию этой ощущаемой как манипулятивная атмосфере (подумайте об опыте, который является трансгрессивным или по крайней мере свободным и произвольным в оппозиции к тому, чего хочет дисциплинарная власть); 5) конкретизироваться даже в “материалах” или компонентах,

которые обычно выражают противоположное и дают жизнь обратному атмосферному чувству (печали, навеваемой на страдающих от неземной красоты, или беспокойству, порождаемому ситуациями, настолько упорядоченными, что они вызывают впечатление мизансцены) или б) восприниматься по-разному по прошествии времени после первого впечатления.

Первое атмосферное впечатление от изображения красивого пейзажа, например, может быть приятным, но может превратиться в меланхолию, когда вы поймете, что его больше не существует. Подумайте также об интересном взаимодействии между архитектурными пространствами: так, здания снаружи могут казаться узкими, а внутри архитектору удастся создавать неожиданный простор — тем более атмосферный, чем более он неожиданен после первого (внешнего) впечатления. Здесь я даже могу представить себе многослойные ниши атмосферных ощущений. Феноменология этих атмосферных “игр”, конечно, может и должна быть еще более усложнена, если учесть, что каждое переживание атмосферы можно рассматривать как специфическое пересечение *онтологического* плана (т.е. как прототипическую, производно-реляционную или спекулятивную атмосферу) с *феноменологическим* (как дистоническую, синтоническую, невовлекающую, сопротивляющуюся, обратную или изменяющуюся во времени атмосферу).

СВС: В своем анализе онтологических различий между собственно вещами и квази-вещами (атмосферами) Вы, кажется, примиряете или, по крайней мере, предлагаете компромисс между концепциями атмосфер Бёме и Шмица. В то же время мы знаем, что существует обоснованная критика позиции Бёме (ср. *Wellbury* 2003; *Blume, Demmerling* 2007; *Runkel* 2018; *Slaby, von Scheve* 2019), который отклоняется от феноменологического подхода в пользу более спекулятивного и квазитеологического (ср. его “экстазы” вещей), открывая тем самым дорогу к более практическому (и даже коммерческому) подходу к атмосферным явлениям, включая предполагаемые возможности их “конструирования” или “инсталляции”. Онтология, которая предполагается в его подходе, восстанавливает субъектно-объектный дуализм и значительную часть абстрактного и редукционистского мышления, отрицающего феноменологический метод наблюдения “от первого лица”. Хотели бы Вы прокомментировать возможность примирения этих двух, как кажется, взаимно несовместимых концептуализаций? На каком уровне (практическом, теоретическом и т.д.) такое примирение представляется возможным?

ТГ: Я не считаю, что подход Бёме (включая его идею “экстаза вещей”) можно трактовать как “криптотеологический поворот”. Я бы даже сказал, наоборот, поскольку Бёме не преминул напомнить (в том числе и мне), что Шмиц думал (слишком много) об атмосферах как демонических сущностях, парящих в пространстве, а он, Бёме, вместо этого пытался укоренить их и увидеть их распространенность в нашем повседневном опыте. Вы, однако, правы в том, что я считаю, что подходы Шмица и Бёме должны быть согласованы в рамках того, что я назвал более “инфляционной” теорией типов атмосфер. Радикализм Шмица очень хорошо работает, особенно для тех из них, которые я определил как *прототипические атмосферы*, и гораздо меньше для остальных, где роль общества, истории и субъективных нюансов восприятия очень велика. Бёме с 1980-х годов разрабатывал эстетику атмосферы, которая подчеркивает необычайно богатую атмосферную компетенцию современной эстетической работы (включая архитектуру, интерьерный и световой дизайн, искусство, звукорежиссуру, живопись, сценографию, музыку, рекламу и маркетинговые исследования). Он утверждал,

что атмосфера, понимаемая как “промежуточное звено”, посредник между субъектом (живое телесное чувство) и объектом (среда), и свидетельствующая об их сопричастности, присутствует везде, где что-то инсценируется. Она порождается тем, что он называет “генераторами атмосферы” (впечатлениями от движения, синестезией, сценами и социальными персонажами). Для Бёме, однако, навыки, которыми хорошо, хотя и часто неосознанно, владеют архитекторы и другие эстетические работники, сводятся к созданию *условий*, в которых появляется атмосфера, иными словами – к размещению генераторов, с помощью которых атмосферные феномены лишь “могут” возникнуть. Здесь нет никаких предписаний (возможно, расплывчатых) относительно размещений и комбинаций свойств генераторов, создающих вероятность того, что представители конкретного сообщества испытают определенную (пусть и расплывчатую) атмосферу.

Однако идея о том, что можно намеренно генерировать атмосферу, привела к интересному философскому спору между Шмицем (*Schmitz* 1998, 2023: 123–137) и Бёме (*Böhme* 1995). Для Бёме атмосфера также является результатом, по крайней мере частично предсказуемым, “экстаза вещей” – в зависимости от материалов, цветов и форм, в которых они представлены. Если, как у Бёме, в большинстве случаев восприятие атмосферы – это “между”, т.е. отношения между воспринимающим и средой (включая ее атмосферные генераторы), то для исследователей определенный интерес может представлять применение в области дизайна и постановки (в широком смысле) моей типологии атмосфер (прототипические, производно-реляционные и спекулятивные) и атмосферных игр (дистоническая, синтоническая, невовлекающая, сопротивляющаяся, обратная и изменяющаяся во времени). Это позволило бы тщательно оценить, в какой степени определенная атмосферная постановка уже использует, более или менее явно, атмосферные генераторы, которые исследует Бёме.

Напротив, по Шмицу, полноценные атмосферные чувства не являются ни намеренно производимыми, ни намеренно переживаемыми, и, следовательно, бессмысленно исследовать их предполагаемые “генераторы” (тем более если рассматривать их как отдельные вещи). Намеренное производство и ощущение чувства невозможно, считает Шмиц, поскольку атмосферы принадлежат к предсознательной и преддуалистической сфере, которую в силу этого нельзя произвести, а можно лишь “пробудить”. И это опасно, потому что намеренное производство/чувствование подразумевает манипулирование чувствами и лишь порождает сентименталистский субъективизм, приводящий к неэтичной инструментальной эмоциональной гигиене или, по крайней мере, к китчевому эффекту. Эта позиция, однако, не утверждает буквально, что “производимость невозможна”, и не служит достаточным объяснением тому, являются ли намеренно произведенные атмосферы фальшивыми или даже неатмосферными. Шмиц подчеркивает, что *создание* атмосферы есть не что иное, как принципиально риторически-пропагандистская техника впечатлений (*Eindruckstechnik*), которая: а) превращает сегментированную ситуацию во впечатляющую, характеризующуюся акцентированными искусственными патетико-семантическими контурами, и б) приводит к иллюзии, будто отдельные вещи могут порождать атмосферу, когда они, по большей части, являются случайным местом ее конденсации. Конечно, Шмиц прав, напоминая, что мир медиа и так наз. аффективные режимы (тоталитарные и демократические) распространяют искусственные чувства и ложные иллюзии, заставляя нас верить, что все (даже аффективная жизнь) может быть произведено. Однако эта критика

социально безответственной инструментализации аффектов рискует выплеснуть ребенка вместе с водой. Она фактически недооценивает то, что каждый порождает атмосферу, сам того не желая и не зная, и, что наиболее важно в данном контексте, делает основанную на атмосфере социальную и культурную жизнь чем-то необъяснимым. Она скрытно вводит некоторые нормативно-аксиологические (экзистенциальные и/или эстетические) параметры в феноменологический подход — который программно должен быть в основном описательным — и слишком сильно отождествляет *производство* с *манипуляцией*. На самом деле абсолютный авторитет атмосферы никогда не является безошибочным критерием демаркации между тем, что является манипуляцией, и тем, что ею не является, и, в свою очередь, подразумеваемый дуализм манипулятивно-неэтичной агентности и гетероуправляемого ею реципиента действительно кажется чрезмерным упрощением. Неужели признание Шмицем того факта, что атмосфера может быть создана неманипулятивно в определенных привилегированных закрытых ситуациях (жилище, сад, церковь, чайный домик и т.д.), как он часто отмечает, настолько отличается от признания того, что по крайней мере предпосылки атмосферы могут быть созданы (спроектированы, спланированы)?

Ваш вопрос дает мне возможность более широко показать, что отличает атмосферу как квази-вещь от вещей в прямом смысле слова. В развитие в некоторой степени неофеноменологической квази-вещной онтологии можно вкратце сказать, что атмосферы, в отличие от вещей: а) обычно неактивны, *не имеют* границ, дискретности, связности, твердости, устойчивости во времени и скрытых сторон — и по этой причине совпадают с собственным явлением; б) не обладая реальными тенденциями, они не имеют истории (не стареют), радикально событийны, т.е. не являются следом чего-то иного; в) не будучи свойством чего-то или универсально предсказуемых ситуаций, они совпадают с собственным феноменальным и “актуальным” “характером” (но не с субъективно-личностным резонансом); г) более непосредственные, навязчивые и требовательные, чем вещи, они обуславливают принуждение и отторжение в силу своего авторитета, который иногда настолько абсолютен, что не поддается культурно-эмоциональным нормам и не позволяет преодолеть критическую дистанцию; д) у них прерывистая жизнь, в том смысле что они приходят и уходят, и нет смысла спрашивать, что они делали в период их отсутствия; е) у них, однако, наряду с преходящими атмосферными качествами существуют и более устойчивые, например, возвышенный характер атмосферы альпийского ландшафта относительно стабилен, несмотря на меняющиеся погодные условия; ж) они не выступают в качестве отдельных причин, но сами являются влиянием, подобно ветру, который не существует до и после своего дунувения; з) хотя у них нет ни источника, ни направления, они “занимают” бесповерхностные пространства опыта, характеризующиеся размытыми границами; и) они относительно (перцептивно) изменяемы, хотя бы на уровне здравого смысла; к) они должны обладать некоторой идентичностью, что хорошо видно из того, что можно ошибиться в их создании, например, попытаться вызвать атмосферу эйфории в унылый день или правильно представить себе (даже контрфактические) условия, при которых она могла бы быть создана; л) то, что они никогда не существуют как чисто потенциальные (мыслимые) состояния, не означает, что атмосфера, особенно прототипическая, во всех отношениях зависит от ее субъективного восприятия; м) есть одни вещи и ситуации, которые стабильно вызывают определенные атмосферы, и есть другие, которые время от времени берут над ними верх, как

это происходит, например, когда атмосфера дикой природы перестает быть таковой при равных сенсорно воспринимаемых компонентах, когда выясняется, что ее происхождение искусственно; н) в основном они являются “опосредующими” (*in between*), возможными благодаря (ощущаемо-телесному, но также социальному и символическому) соприсутствию субъекта и объекта, и в редких, но важных случаях трансцендентно предшествуют этому соприсутствию.

Как я уже говорил, рассуждая о теории компетентности в отношении атмосфер, я полагаю, что следующим шагом в атмосферологии (не отказываясь от феноменологических и — почему бы и нет — даже метафизических оснований ее происхождения) должна стать разработка критической теории атмосферы. И именно на этом уровне, политическом в смысле попытки совместить дескриптивизм с какой-то более нормативной инстанцией, Шмиц и Бёме (и другие) могут и должны найти почву для дискуссии, плодородную для любой гуманитарной науки, таким образом освободившись (по крайней мере частично) от культурологически-конструктивных гипотез.

СВС: Мой заключительный вопрос: какие перспективы, если таковые имеются, Вы видите для “атмосферных исследований” в социальных науках и особенно в социальной/культурной антропологии? Есть ли какой-то пробел, который антропологи могли бы заполнить, или ниша, которую они могли бы занять с пользой для развития атмосферных исследований и своей дисциплины? Какую онтологию и конкретную концептуализацию атмосферы Вы рекомендуете в качестве особо актуальной для таких исследований? Это, признаюсь, очень прямой вопрос, и я задаю его только потому, что считаю нынешние антропологические занятия родственными феноменологическим исследованиям (см., напр., недавние книги Тима Инголда).

ТГ: Как уже говорилось в предыдущих ответах, я считаю, что исследования в области атмосферологии обладают большим потенциалом, который может быть полезен. Действительно, они уже продемонстрировали это, особенно в области архитектуры, географии человека, социологии, психопатологии, медиаисследований и т.д. Я сам, периодически пытаюсь создать точки соприкосновения между Новой феноменологией и прикладными гуманитарными науками (*Griffero, Moretti 2018; Francesetti, Griffero 2019; Griffero, Tedeschini 2019*), убедился, насколько широко, даже не будучи специально проблематизированным, это понятие (атмосфера) используется во многих областях. Однако, несмотря на терминологический и теоретический вклад этого направления, сохраняется множество различий между ним и прикладными гуманитарными науками. Во всех этих науках наиболее частое возражение возникает в отношении риска овеществления чувств из-за неофеноменологической гипотезы (имеется в виду онтологический статус атмосфер как квази-вещей. — С.С.), поэтому принимается скорее мягкая версия Бёме (в свою очередь, в значительной степени “упрощенная”), согласно которой атмосфера — это “только” отношение (изменчивое и историко-культурно-лингвистически обусловленное) между перцепиентом (или культурой) и его (или ее) восприятием. Однако при этом: упускаются из виду те переживания, которые я называю *прототипическими*, лишенными идентифицируемой причины происхождения, сила которых такова, что способна изменить любое душевное состояние воспринимающего; упускается из виду, что иногда можно распознать атмосферное чувство, не будучи вовлеченным в него (что еще более свидетельствует о его внешнем характере); забывается, что любая конструкция атмосфер

всегда будет неудачной, если не создать “условия возможности”, в которых они могут — потенциально, лишь потенциально, гипотетически — сконденсироваться (что еще более демонстрирует их изначальную независимость от случайной локализации как в субъекте, так и в объекте); недооценивают, что вещи и ситуации приобретают имманентные качества (не спроецированные на них субъектами или даже целыми культурами), которые приглашают, иногда очень агрессивно, перцепиента почувствовать нечто (вот почему я ввел в атмосферологию понятие “аффордансов” Гибсона, изъятые здесь из его исключительно прагматического контекста; ср.: *Griffero* 2022), чем перцепиент не владеет и без вклада которого его аффективная жизнь была бы гораздо беднее; и т.д.

Я, конечно же, далеко не пренебрегаю важностью теоретического вклада, который каждая область применения может, в свою очередь, внести в философию атмосфер, например, ее применение к миру погоды у Тима Инголда, к феномену света у Миккеля Билле, к микрофеноменологическому исследованию городской жизни у Юргена Хассе, к психопатологическим расстройствам, рассматриваемым Томасом Фуком, к кино у Юлиана Ханича и Штеффена Хвена, к городскому обустройству у Жана-Поля Тибо и его коллег, к эстетическому воспитанию у Андреаса Рауха, к социальным ситуациям и спорту у Роберта Гугуцера, к архитектурному восприятию у Юхани Палласмаа, к уходу за больными у Шарлотты Узаревич, как и к концепциям многих других исследователей, заслуживающих того, чтобы быть упомянутыми здесь. И я сам постоянно черпаю знания из этих (и других) дисциплинарных областей, например, сейчас из философии *ки* и *ма*, широко укоренившейся в японских атмосферных исследованиях. Однако то, что я мог бы назвать мягкой версией атмосферологии, не должно слишком поспешно приходить к выводам, полностью игнорирующим неофеноменологическую (шмицианскую) систему (атмосферы как чувства, пронизывающие обжитое пространство и резонирующие в ощущаемом телесном измерении воспринимающего), а также “эстетику” (*Aesthetic*¹⁷) Бёме (атмосферы как фокусы патического измерения, правильная оценка которого помогла бы изменить размер современной просветительской апологии автономии субъекта, оказавшейся и иллюзией, и предвестницей негативных последствий). Диалог между философией и гуманитарными науками? Конечно, постоянный диалог, который не ищет мирных компромиссов, а находит свой исход — критически, полемически — в том головокружении мысли (антистатистическом, антиколичественном, антиредукционистском, короче — антидефинитивном), которое философия, достойная своего имени, не должна переставать искать и питать.

Пер. с англ. и нем. и комм. С.В. Соколовского

Примечания переводчика

¹ Российские исследователи могут познакомиться с концепцией этого немецкого философа в 3-томном переводе его работы “Сферы” (СПб: Наука, 2005, 2007, 2010). Стоит отметить, что русский перевод этого труда появился на 6–7 лет раньше, чем английский (*Sloterdijk* 2011, 2014, 2016). *Пузыри, шары и пена* — термины Слотердайка, описывающие этапы эволюции человеческих сообществ.

² Мой собеседник здесь, как и в других своих публикациях, использует термин *gnostic* (*Griffero* 2020, 2021), который в прямом переводе (*гностический*) приобретает как в русском, так и в итальянском (в чем мне удалось убедиться в ходе нашей переписки) языках прото- и раннехристианские ассоциации, т.е. отсылает не к знанию вообще, но к знанию сакральному, тайному или

мистическому. Грифферо в своем ответе любезно указал мне, что он использует данный термин в том смысле, который ему придает Эрвин Штраус (*Straus* 1956), немецко-американский психиатр и феноменолог (1891–1975), противопоставлявший *гностическое* – *патическому* (*gnostisch – pathisch*). Последний термин также используется Грифферо, подчеркивающим, что содержание соответствующего этому термину понятия не стоит путать с *патетическим*; *патический* отсылает к аффективно-преконцептуальному восприятию “как”, а не “что” явлений, к тому, как человек себя ощущает благодаря этому восприятию (подробнее см.: *Ratnapalan, Reggio* 2012). Штраус, в частности, отмечает: “Существует два типа обучения. Расширяющееся гностическое и сужающееся патическое обучение. Последнее основано на способности разума к рефлексии, к жертвенному отрицанию, что позволяет человеку выйти за пределы простого существования. Человек живет в той мере, в какой он перестает реагировать непосредственно. Он способен учиться, потому что может мыслить целое как часть, как охватываемое может мыслить охватываемое” (*Straus* 1956: 198). В другом пассаже, противопоставляющем патическое и гностическое, он пишет: “До сих пор мы опасались говорить о том, что слышим тишину. Мы также не хотим утверждать, что слышим ее так же, как слышим звук и шум. Но воспринимаем ли мы тишину как мучительную или чарующую, нетипично она все же принадлежит к акустическим феноменам, даже если остается гностически незаполненной” (*Straus* 1956: 108).

³ Речь идет о теле, воспринимаемом непосредственно, живом или чувствующем теле, топология которого не совпадает с телом физическим (см. вводную статью специальной темы этого номера, где разъясняются отличия понятий *Leib* и *Körper*).

⁴ Термином *qualia* Грифферо обозначает “возникающие” (*supervenient*) качества, не сводимые к своим носителям (субстратам), а иногда даже независимые от них (как свободно плавающие качества, предшествующие их онтолого-региональной классификации). Например, горькое до того, как оно становится (специализируется, конкретизируется), скажем, в горечи высказывания или в горькости чашки кофе, в ситуации, которая нас разочаровала и т.д. Это позволяет осуществлять “аналоговое” мышление, основанное на априорной качественной эйдетике, а не на ассоциативных процессах чисто психологического типа.

⁵ Следует уточнить, что Шмиц пользуется термином *полувещи* (*Halbdinge*), в то время как Грифферо – термином *квази-вещи* (*quasi-things*) (в переводе термина сохранено написание через дефис, как у автора) (*Griffero* 2017).

⁶ Термин американского психолога Джеймса Гибсона (*Gibson* 2015 [1979]), содержание которого может передаваться русскими терминами “(скрытые) возможности”, “потенциал”, “потенциальности”. Гибсон существенно повлиял не только на исследования так наз. расширенного разума в современных когнитивных науках, но и на использование идей экологии разума в полевой этнографии (ср.: *Hutchins* 1995). Грифферо исследует это понятие в сравнении с понятием атмосферы в своих работах (*Griffero* 2020, 2022).

⁷ Грифферо имеет здесь в виду значительное число литературоведческих исследований, в которых анализируются настроения, чувства и атмосферы (см., напр.: *Meyer-Sickendiek* 2005, 2014; *Gumbrecht* 2011; *Chambers* 2015).

⁸ “Фундаментальные настроения” (страх, скука, беспокойство) подробно анализировались Мартином Хайдеггером (см., напр., гл. 6 в любом из изданий его работы “Бытие и время”).

⁹ См.: Прим. 1.

¹⁰ См.: Т. 3. Гл. 3 “Сфер” Слотердайка.

¹¹ Шмиц, обсуждая коллективные атмосферы и их динамику, предлагает собственную типологию ситуаций (*актуальных* и характеризующих длительные *состояния*; *индивидуальных* и *общих*) и использует выражение “укорененные” в ходе своего анализа переплетения индивидуальных/личностных и общих/стандартных ситуаций, отмечая плотность или тесноту такого переплетения и разделяя по этому параметру “тесно переплетенные”, или “укорененные” (*implantierende Situationen*), и менее плотные инклюзивные (*inkludierende*) ситуации (*Schmitz* 2023: 64–65).

¹² Грифферо здесь вспоминает известный анализ истории термина и понятия *Stimmung* Лео Шпитцера (*Spitzer* 1944–1945), сохраняющий свою значимость и сегодня.

¹³ Термин и понятие феноменологии Эдмунда Гуссерля, часть вводимой им процедуры феноменологической редукции, выражающейся в приостановке метафизических суждений о бытии предмета вне воспринимающего его сознания, “наивно-реалистических” постулатов науки и философии относительно мира.

¹⁴ Имеется в виду классическое произведение лютеранского богослова Рудольфа Отто, предложившего термин “нуминозный” и определившего его как “нерациональный, несен-

сорный опыт или чувство, основной и непосредственный объект которого находится вне личности”. Работы Отто оказали огромное влияние на столь разных мыслителей, как Пол Тиллих и К.С. Льюис.

¹⁵ Совесть (*Gewissen*) в работах Канта упоминается нечасто, она похожа в своем действии на атмосферы лишь в отношении силы своего авторитета или своей принудительности; по всей видимости, других общих характеристик у них нет. Кант упоминает *Gewissen* в контексте размышлений о религии (см. его “Религия в пределах только разума”) и в обсуждении некоторых библейских сюжетов (притчи об Иове) (см. “Основы метафизики нравственности”, а также эссе “О педагогике”). Его *Gewissen* выступает внутренним судом критического разума над собственными действиями в отношении к долгу. Кант, в частности, пишет: “Осознание внутреннего суда в человеке <...> — это совесть. У каждого человека есть совесть, и он чувствует, что внутренний судья наблюдает за ним, угрожает ему и вообще держит в страхе (уважение ассоциируется со страхом), и эта сила, которая следит за законами внутри него, не является чем-то, что он делает с собой (произвольно), но включена в его существо” (*Kant* 1969 [1875]: 400). В ходе переписки по поводу этого места интервью выяснилось, что ключевым моментом является рассмотрение Кантом справедливости как *чувства* (а не идеи в смысле понятия разума). Шмиц в своей книге “Царство норм” опирается на соответствующие рассуждения Канта, рассматривая чувства, обладающие моральным измерением, как “совестливые” (*Gewissensgefühle*), и остается при этом в рамках своего рассмотрения чувств как “пространственно изливающихся атмосфер” (*Schmitz* 2012: 141, 149 ff). У него есть и специальная работа, посвященная совести как предмету европейской философии (*Schmitz* 2007). Выражаю искреннюю признательность Татьяне Караченцовой (Иерусалимский университет) за консультации в отношении соответствующих положений Канта.

¹⁶ То есть не имеющее обычных трех измерений стандартного физического пространства.

¹⁷ Обращение к старой орфографии в данном случае подчеркивает устремление Бёме к восстановлению эстетики, направленной не только на изучение прекрасного, но как дисциплины, изучающей восприятие в целом.

Interview Article

Sokolovskiy, S.V. In Search of Atmospheres: Directions, Methods, Perspectives (an Interview with Tonino Griffero) [V poiskakh atmosfer: napravleniia, metody, perspektivy (interv'iu s Tonino Griffero)]. *Этнографическое обозрение*, 2024, no. 4, pp. 22–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040023> EDN: AZEXGP ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

atmospheres, Stimmung, pathic aesthetics, felt body, affordances, Hermann Schmitz, Gernot Böhme

Abstract

The article is a commented translation from English and German of an interview, conducted in February 2024 with the Italian philosopher-phenomenologist, professor of aesthetics at the University of Rome “Tor Vergata”, the current undisputed leader in the study of (affective) atmospheres Tonino Griffero. The interview touches upon a diversity of traditions in atmospheric research (including national variation in such studies), the correlation of the notions of atmosphere with the notions of mood (*Stimmung*) and *ambiance*, research methods and ways of theorizing of atmospheric phenomena by German phenomenologist Hermann Schmitz (16.05.1928–05.05.2021) and aesthetics specialist Gernot Böhme (03.01.1937–20.01.2022), and, finally, the prospects of employing the relevant methods and approaches in social sciences, including anthropology.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant ID: 075–15–2022–328]

References

- Blume, A., and C. Demmerling. 2007. Gefühle als Atmosphären. Zur Gefühlstheorie von Hermann Schmitz [Feelings as Atmospheres: Towards the Theory of Feelings by Hermann Schmitz]. In *Gefühle. Struktur und Funktion* [Feelings: Structure and Function], edited by H. Landweer, 113–133. Berlin: Akademie Verlag.
- Böhme, G. (1995) 2013. *Atmosphäre. Essays zur neuen Ästhetik* [The Atmosphere: Essays on the New Aesthetics]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Chambers, R. 2015. *An Atmospherics of the City: Baudelaire and the Poetics of Noise*. New York: Fordham University Press.
- Francesetti, G., and T. Griffero, eds. 2019. *Psychopathology and Atmospheres: Neither Inside nor Outside*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholar.
- Gibson, J.J. (1979) 2015. *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York: Psychology Press.
- Griffero, T. 2014. *Atmospheres: Aesthetics of Emotional Spaces*. London: Routledge.
- Griffero, T. 2017. *Quasi-Things: The Paradigm of Atmospheres*. Albany: SUNY.
- Griffero, T. 2020. *Places, Affordances, Atmospheres: A Pathic Aesthetics*. London: Routledge.
- Griffero, T. 2021. *The Atmospheric “We”: Moods and Collective Feelings*. Milan: Mimesis International.
- Griffero, T. 2022. They Are There to Be Perceived: Affordances and Atmospheres. In *Affordances in Everyday Life: A Multidisciplinary Collection of Essays*, edited by Z. Djebbara, 85–95. New York: Springer.
- Griffero, T. 2024. *Being a Lived Body: From a Neo-Phenomenological Point of View*. London: Routledge.
- Griffero, T., and G. Moretti, eds. 2018. *Atmosphere/Atmospheres: Testing a New Paradigm*. Milan: Mimesis International.
- Griffero, T., and M. Tedeschini, eds. 2019. *Atmospheres and Aesthetics: A Plural Perspective*. Basingstoke: Palgrave.
- Gumbrecht, H.U. 2004. *Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Stanford: Stanford University Press.
- Gumbrecht, H.U. 2011. *Stimmungen lesen* [Reading Moods]. Berlin: Carl Hanser Verlag.
- Hutchins, E. 1995. *Cognition in the Wild*. Cambridge (Mass.): The MIT Press.
- Kant, I. (1875) 1969. *Metaphysik der Sitten* [Metaphysics of Morals]. Vol. 6, *Werke* [Works], 203–494. Berlin: de Gruyter.
- Meyer-Sickendiek, B. 2005. *Affektpoetik. Eine Kulturgeschichte literarischer Emotionen* [Poetics of Affect: A Cultural History of Literary Emotions]. Würzburg: Königshausen und Neumann.
- Meyer-Sickendiek, B. 2014. Großstadtlyrik einmal anders: Urbane Atmosphären. Gedichten von Kästner bis Hartung [Big City Poetry with a Difference: Urban Atmospheres; Poems from Kästner to Hartung]. In *Atmosphären entwerfen* [To Design Atmospheres], edited by J. Weidinger, 65–88. Berlin: TU Verlag.
- Otto, R. 1923. *The Idea of the Holy*. Oxford: Oxford University Press.
- Ratnapalan, L., and D. Reggio. 2012. Erwin Straus and the Pathic. *History of Psychiatry* 23 (3): 291–304.
- Runkel, S. 2016. Zur Genealogie des Atmosphären-Begriffs. Eine kritische Würdigung

- der Ansätze von Hermann Schmitz und Gernot Böhme [On the Genealogy of the Concept of Atmosphere: A Critical Assessment of the Approaches of Hermann Schmitz and Gernot Böhme]. In *Atmosphären des Populären II. Perspektiven, Projekte, Protokolle, Performances, Personen* [Atmospheres of the Popular II: Perspectives, Projects, Protocols, Performances, People], edited by U. Wünsch, 20–39. Berlin: Uni-Edition.
- Schmitz, H. 1969. *System der Philosophie* [System of Philosophy]. Vol. III (2), *Der Gefühlsraum* [The Spece of Feelings]. Bonn: Bouvier.
- Schmitz, H. 1998. Situationen und Atmosphären. Zur Ästhetik und Ontologie bei Gernot Böhme [Situations and Atmospheres: On Aesthetics and Ontology by Gernot Böhme]. In *Naturerkenntnis und Natursein. Für Gernot Böhme* [To Know Nature and To Be Nature: For Gernot Böhme], edited by M. Hauskeller, et al., 176–190. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Schmitz, H. 2007. *Der Weg der europäischen Philosophie* [The Path of European Philosophy]. Vol. 2, *Eine Gewissenserforschung* [An Examination of Conscience]. München: Verlag Karl Alber.
- Schmitz, H. 2012. *Das Reich der Normen* [The Realm of Norms]. München: Verlag Karl Alber.
- Schmitz, H. 2023. *Atmospheres*. Milan: Mimesis International.
- Slaby, J., and C. von Scheve, eds. 2019. *Affective Societies: Key Concepts*. London: Routledge.
- Sloterdijk, P. 2011. *Bubbles: Spheres*. Vol. I, *Microspherology*. Los Angeles: Semiotext(e).
- Sloterdijk, P. 2014. *Globes: Spheres*. Vol. II, *Macrospherology*. Los Angeles: Semiotext(e).
- Sloterdijk, P. 2016. *Foams: Spheres*. Vol. III, *Plural Spherology*. Los Angeles: Semiotext(e).
- Spitzer, L. 1944–1945. Classical and Christian Ideas of World Harmony: Prolegomena to an Interpretation of the Word “Stimmung”. *Traditio*. 1944. Pt. I (2): 409–464; 1945. Pt. II (3): 307–364.
- Straus, E. 1956. *Vom Sinn der Sinne* [On the Meaning of the Senses]. Berlin: Julius Springer Verlag.
- Tellenbach, H. 1968. *Geschmack und Atmosphäre* [Taste and Atmosphere]. Salzburg: Müller.
- Wellbery, D. 2003. Stimmung [Mood]. In *Ästhetische Grundbegriffe. Historisches Wörterbuch, 7 vols.* [Basic Aesthetic Concepts: Historical Dictionary, 7 vols.]. Vol. 5, *Postmoderne – Synästhesie* [Postmodernism – Synaesthesia], edited by K. Barck, et al., 703–733. Stuttgart: Metzler.